

# ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1914—1918 гг.)



**Татьяна Яковлевна ИКОННИКОВА,**  
кандидат исторических наук

Вопрос о пребывании в плену в крае военнослужащих австро-венгерской, германской и турецкой армий в годы первой мировой войны относится к числу малоизученных. На основе документов, выявленных в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Хабаровского края и материалов периодической печати рассмотрим некоторые аспекты этой многоплановой темы.

Несмотря на то, что Дальний Восток был самым удаленным от театра военных действий регионом, его быстро достигло эхо боев. Известно, что наряду с трагической неудачей двух русских армий в Восточной Пруссии, пер-

---

\* Из материалов доклада, сделанного автором на первых Крушановских чтениях.

вые месяцы войны ознаменовались разгромом четырех австро-венгерских армий, успешным оттеснением немцев с берегов Вислы и удачной Лодзинской операцией. Результатом стало пленение нескольких сотен тысяч военнослужащих враждебных государств. При определении мест их размещения была указана и Приморская область.

Решение центра направить в край значительное число военнопленных заставило местные власти оперативно решать нестандартные проблемы. В первую очередь необходимо было определить места расположения лагерей и порядок их функционирования. Для размещения военнопленных выделялись казармы подразделений, уходивших на фронт. По сообщениям местной прессы, появившимся в середине октября 1914 г., в Приамурской области предполагалось разместить 25 тыс. австро-венгерских и германских военнопленных. Планировалась следующая их концентрация: в Хабаровске — 1,6 тыс. чел.; в Спасске — 4,9 тыс. чел.; в Никольске-Уссурийском — 8,5 тыс. чел.; в Раздольном — 6,9 тыс. чел. и в Шкотово — 3 тыс. чел. Если информация такого рода появлялась в открытой печати, то она, конечно же, ни для кого уже не являлась секретом, причем не только в крае, но и далеко за его пределами. Этому способствовали и те ограничения, которые ввело управление железных дорог по сокращению переселенческих перевозок в восточном направлении в том числе и по КВЖД. Теперь переселенческим пунктам приходилось заниматься обслуживанием совершенно нового контингента. Кроме того, недопущение неизбежных встреч на этих пунктах переселенцев и пленных диктовалось задачей предотвращения вспышек инфекционных заболеваний.

Намеченные цифры по содержанию в крае военнопленных были быстро превышены. Например, в Шкотове, собственное население которого составляло около 1 тыс. чел., к началу 1915 г. было размещено 3618 пленных (из них 141 офицер). Сюда же в первой половине февраля 1915 г. прибыло два эшелона турецких военнопленных. В Хабаровске вместо намеченных 1,7 тыс. чел. летом 1915 г. находились около 5 тыс. Кроме этого, в 15 км от центра города на Николо-Александровской пристани (ныне район Красной Речки) были размещены еще около 1 тыс. чел., основную часть которых составляли офицеры.

Перемещение на столь далекое расстояние больших отрядов военнопленных вызывало различного рода инциденты. Любопытными для анализа менталитета западноевропейских солдат являлись их массовые протесты на станции Маньчжурия. Слабо знакомые с географией и впервые столь долго принудительно «путешествовавшие» по железной дороге, они начинали требовать у начальства поездов объяснений «зачем их везут в Китай?». Например, в октябре 1914 г. целый поезд австро-венгерских военнопленных отказался верить словам о том, «что их повезут только через русскую концессию в Маньчжурию и затем снова они будут ехать по русской территории». Волнение улеглось только тогда, когда австрийские офицеры подтвердили солдатам разъяснения русских железнодорожников. По сообщению одной из газет, «удивлению австрийских солдат не было конца, когда они узнали, что и по сторону Китая много русской земли». Однако удивление российскими масштабами не мешало военнопленным оставаться уверенными в случайности происшедшего с ними и в превосходстве своих армий. Например, пристав Раздольнинского Стана Кожин в рапорте 4 ноября 1914 г. обращал внимание начальства на то, что «военнопленные, находящиеся в селе Раздольном, распространяют слух среди населения, что будто бы русских войск взято в плен гораздо более, чем германцев и австро-венгерцев вместе взятых».

Национальный состав военнопленных имел свои особенности. Выявленные данные не позволяют пока дать точные сведения об общем числе военнопленных, находившихся в крае с 1914 по 1918 гг. Затруднения вызваны и тем, что, как будет показано ниже, процесс их прибытия в 1915—1916 гг. шел параллельно с обратным перемещением в центр страны. На основе имеющихся данных можно утверждать, что большинство военнопленных были немцы как германской так и австро-венгерской армий. Например, в Хабаровске в мае 1915 г. в

отряде военнопленных, размещенном при 730-й пешей Оренбургской дружине, из 2440 чел. немцев было 1753 чел. (71,8%). В отряде военнопленных при 305-й пешей Вятской дружине на Николо-Александровской пристани из 904 военнопленных немцев было 878 чел. (97,1%). Из всех пунктов размещения военнопленных, организованных в 1914—1915 гг., не было резкого преобладания немцев над другими национальностями, пожалуй, только в Никольск-Уссурийском. В начале 1915 г. здесь из 7061 военнопленного немцев было 3797 чел. (53,8%), а славян и других национальностей, соответственно, 3264 чел. (46,2%).

После вступления в войну Турции и открытия Кавказского фронта, где российские войска действовали весьма успешно, в край стали поступать и турецкие военнопленные. Особенности их национального характера и быта сполна проявились себя уже при перевозке на Дальний Восток. Турки в дороге отказывались есть мясо, думая, что им дают свинину, а поскольку время в пути затянулось, они прибыли «страшно истощенными», что способствовало развитию инфекционных заболеваний. Так, в эшелоне, прибывшем в Шкотове в ночь с 14 на 15 февраля 1915 г., из 37 тифозных больных через несколько дней умерли 23 чел. Эпидемия быстро распространилась на весь лагерь военнопленных. С февраля по март 1915 г. здесь заболели тифом 915 чел., из них умерли 390 чел. (42,6%). Благодаря принятым мерам к концу мая заболевания возвратным тифом прекратились, а «случаи брюшного и сыпного тифа стали единичными». Однако после этих печальных событий к поездам, в которых следовали турецкие военнопленные, стало проявляться повышенное внимание санитарных служб.

Общее число турецких военнопленных было в крае небольшим. По имеющимся данным на лето 1915 г., среди 7230 военнопленных, размещенных в Шкотове при 275-й Казанской дружине, турок было 736 чел. (10,2%). Из указанных выше 2440 военнопленных, размещенных в Хабаровске при 730-й пешей Оренбургской дружине, турок было 121 чел. (5%). Следует отметить, что в тех подразделениях военнопленных, где не было росписи по национальностям, начальство получало строгие выговоры, так как нарушался порядок организации надзора и учета.

Появление в крае большого количества трудоспособного контингента ставило задачу его рационального использования. Массовая дешевая рабочая сила была направлена на различные строительные, дорожные и другие объекты. С разрешения военного ведомства структурам местного самоуправления давалось право выделять наиболее значимые участки работы.

Например, 31 октября 1914 г. состоялось заседание хабаровской комиссии по благоустройству города. Был рассмотрен вопрос о применении труда военнопленных на земляных работах вдоль берега Амура. Решено было произвести засыпку берега от устья речки Плюсники (район современного Речного вокзала) до Муравьевского утеса, то есть это были работы по обустройству набережной и нынешнего ЦПКО, которые и сегодня сохранили некоторые контуры, созданные руками военнопленных первой мировой войны. В Хабаровске, кроме этих работ, труд военнопленных использовался при строительстве здания гарнизонного собрания, в мастерских завода «Арсенал», на ремонтно-строительных работах в Иннокентьевской церкви, детском приюте и других.

Затягивание войны и прибытие новых отрядов военнопленных заставили местные власти предусмотреть на 1915 г. планы по рациональному использованию этого массового источника дешевой рабочей силы. Строительство путей сообщения в крае было одним из сложнейших объектов не только по причине нехватки средств и трудностей ландшафта, но и из-за хронического дефицита рабочих рук. Особое междуведомственное дорожное совещание при приамурском генерал-губернаторе признало, что «в целях удешевления стоимости работ по ремонту дорог крайне желательно привлечь к этим работам в самом широком размере наличность в крае крупной рабочей силы в лице военнопленных».

В 1915 г. на дорожных работах в окрестностях Хабаровска были заняты около 1,5 тыс. чел. Из-за отдаленности строительных участков от города военнопленные были размещены в двух специально устроенных лагерях. Команды

военнопленных производили большой объем «усиленных казенных работ» по строительству трех дорог в окрестностях Имана. Две из них — на Введенку и Звенигородку с 26 по 29 сентября 1915 г. посетил командующий войсками Приамурского военного округа А.Н. Нищенков. На первой из них работали 400, а на второй — 446 военнопленных. Командующий округом отметил, что на строительстве и в лагерях он «нашел полный порядок, пленные, по свидетельству администрации..., работают старательно. На это указывает и значительный успех работ». Всего в 1915 г. военнопленными было проведено 50 верст проселочных дорог, из них 16 верст было шоссировано.

В 1915 г. большое количество военнопленных были заняты в сельском хозяйстве. По данным переселенческого управления, на сезонных полевых работах, завершившихся 1 ноября, трудились около 4 тыс. военнопленных. Из них примерно по одной тыс. чел. под Хабаровском и Спасском и свыше двух тыс. чел. в Иманском уезде. Рабочий день военнопленных составлял 8 — 9 часов. Каждому из них определялась норма выработки. Наиболее прилежным выдавалось по 7,7 коп. в день, что в среднем составляло 4,5 коп. и приблизительно 1 руб. 30 коп. в месяц. В целом за указанный период труд военнопленных по сравнению с подрядными ценами дал переселенческому Управлению 22% экономии. По приблизительным расчетам, всего в 1915 г. военнопленными было произведено работ на 300 тыс. руб.

В 1915 г. наряду с прибытием в край новых отрядов военнопленных стал наблюдаться и обратный процесс — переброски части из них в центр страны. Так, в октябре 1915 г. из Спасска в Читу и далее за Урал были перевезены 124 офицера австро-венгерской армии. В декабре этого же года из состава отряда военнопленных, размещенных в Никольск-Уссурийском при 290-й пешей Пермской дружине, было выделено для отправки в Европу 515 славян и 142 румына. Из-за того, что были замечены случаи, когда в число отправляемых хотели попасть и представители других национальностей, командование отдало приказ «основательно проверить, к какой национальности принадлежат выделенные к отправке пленные».

В 1916 г. число военнопленных, отправляемых из края на запад заметно возросло. Оно порой достигало почти половины состава отрядов. Например, из 4358 военнопленных, размещенных при 273-й пешей Казанской дружине в Никольске-Уссурийском, на работы в Европейскую Россию в ноябре 1916 г. были назначены 2058 чел. (47,2%). Причины такой «миграции» военнопленных из Приамурского края, самому испытывавшему острую потребность в дешевой рабочей силе и едва начавшему ее использовать, требуют дополнительного изучения. Выскажем лишь предположение о том, что затягивание войны требовало ускоренного строительства оборонных объектов в центральных губерниях, а неудачи на фронте и начинавшаяся «позиционная война» прервали массовый приток военнопленных. Резерв дешевой рабочей силы и был найден в дальневосточных лагерях.

В 1916 г. характер использования труда военнопленных в крае не изменился. Однако летом 1917 г. в связи с хорошими прогнозами на урожай потребовалось изыскивать дополнительные рабочие руки, так как за три военных года резко возрос их дефицит в деревне. По многочисленным просьбам гражданских властей новый командующий войсками Приамурского округа генерал-майор Хагондоков издал приказ о срочной дополнительной отправке военнопленных на сельхозработы.

Следует отметить, что в 1917 г. Временное правительство пересмотрело нормы расчета с военнопленными. Газета «Далекая окраина» опубликовала в конце сентября приказ военного министра о немедленном введении новой оплаты труда военнопленных (за все без исключения виды работ): «на руки от 20 и не более 50 коп.» Это решение было связано как с галопирующей инфляцией, так и с желанием удержать демократическое реноме новой власти. Но, конечно, и такая «повышенная оплата» труда военнопленных оставалась чисто номинальной в условиях нарастающего экономического кризиса.

Кроме применения труда военнопленных на массовых работах, были случаи использования их по профессиям. Прежде всего это относилось к медицинским кадрам. Например, летом 1915 г. в санитарной части Спасска, обслуживающей военнопленных, работали 3 русских врача и 7 пленных (1 из германской и 6 из австро-венгерской армий). В Никольске-Уссурийском больным военнопленным оказывали помощь 2 русских врача и 18 медицинских работников австро-венгерской армии. Такие примеры можно продолжить, они были характерны для всех лагерей.

Не остались без работы по специальности и лица, знакомые с типографским делом. Так, в газете «Уссурийский край» на протяжении почти всей войны наборщиками работали двое военнопленных. По донесениям секретных агентов из Никольска-Уссурийского, они пользовались неограниченной свободой и уходили в город без всякого конвоя. Такая же картина наблюдалась в типографиях других местных газет, где применялся труд военнопленных специалистов. Спрос на них особенно возрос в 1917 г. в связи с подготовкой печатных материалов к выборам в Учредительное собрание. Министерство внутренних дел разрешило комиссарам Временного правительства на местах делать запросы «ввиду недостатка рабочих в типографиях о привлечении военнопленных для типографских работ».

Не остались без работы и музыканты. Широко известна история группы австро-венгерских музыкантов, которые организовали струнный оркестр и с конца 1915 г. вплоть до своей трагической гибели в сентябре 1918 г. играли в кофейне «Чашка чая», расположенном на центральной улице Хабаровска. В 1918 г. в Хабаровске был создан симфонический оркестр из военнопленных под руководством Волчека. Регулярные объявления об очередном концерте в городских газетах подтверждали его популярность. Заметим, что наличие музыкальных инструментов в лагерях военнопленных было обычным явлением.

После Октябрьской революции положение и дальнейшая судьба военнопленных обсуждалась в декабре 1917 г. в Петрограде на специальной русско-германо-австрийской конференции. В ее работе принимал участие и представитель от Дальнего Востока — Гиллерсон. Круг обсуждаемых вопросов был разнообразен, но основными стали дискуссии по предложенной российской делегацией формуле: «всякие принудительные работы отменяются». Компромисса найдено не было, и в феврале 1918 г. Дальневосточный краевой комитет советов, получивший «в наследство» от старой власти проблему, предложил своему комиссару иностранных дел «разработать вопрос о разумном использовании труда военнопленных».

Гражданская война бросила часть военнопленных в ряды непримиримо враждовавших русских армий и отрядов. Однако значительное число военнопленных продолжали оставаться в лагерях, не вмешиваясь в кровавые события. Окончательное решение о ликвидации лагерей «бывших военнопленных империалистической войны» примет в июне 1920 г. Президиум Народно-революционной власти ДВР, одновременно объявивший их контингент свободными гражданами Дальневосточной Республики.

Таким образом, в годы первой мировой войны Дальний Восток России стал местом вынужденного пребывания тысяч военнопленных из Австро-Венгрии, Германии, Турции. Эти чрезвычайные массовые миграционные потоки способствовали как ускоренному вовлечению далекой окраины страны в круговорот политических событий, так и заметному оживлению решения ряда хозяйственных задач края.

**SUMMARY.** «Prisoners of the First World War» — this is the title of the article by Candidate of Historical Sciences Tatyana Ikonnikova. The author re-tells about the stay of servicemen of German, Austria-Hungarian and Turkish armies in the Far East. They were taken as prisoners by the Russian army. The article shows the number of prisoners of war, their relations, work, the attitude of Provisional Government and the Bolsheviks to them.